

ANNA STĘPNIAK

 <https://orcid.org/0000-0002-7231-3335>

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
anna.stepniak@uni.lodz.pl

**ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
В РОМАНЕ-ИСПОВЕДИ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА. ХРОНИКА БУДУЩЕГО**

**THE IMAGE OF THE SOVIET MAN
IN SVETLANA ALEXIEVICH'S NOVEL *CHERNOBYL
PRAYER: A CHRONICLE OF THE FUTURE***

Статья знакомит с образом советского человека, который выдвигается на первый план в документальном романе белорусской писательницы. Это роман-исповедь, построенный как собрание интервью, в котором С. Алексиевич дает высказаться свидетелям и участникам самой большой техногенной катастрофы XX века. В статье затрагивается проблема советского человека, который является героем этих трагических событий, хотя чувствует себя одиноким, забытым и брошенным в этом героизме людьми, учреждениями, на которых надеялся: властью, государством. В статье излагается вопрос цены, которую пришлось заплатить людям, живущим в так называемой зоне, которые вследствие катастрофы потеряли все: свою жизнь близких и веру в будущее.

Ключевые слова: роман-исповедь, советский человек, гомо советикус, катастрофа, героизм, будущее.

The paper is concerned with the documentary novel by Svetlana Alexievich which describes one of the biggest technological humanitarian disasters of the 20th century: the catastrophic accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant. The attention is focused on the portraiture of the soviet man – of the heroes of the event, who survived the catastrophe but have been left without any help from the institutions and people they had relied on: the government and the country. The book provides the testimony of the witnesses: in this polyphonic form Alexievich lets them speak for themselves. The victims of the disaster have paid the highest price: they have lost everything – their lives, their relatives and hopes for the future.

Keywords: documentary novel, soviet man, Homo sovieticus, disaster, courage, future.

Белорусская писательница Светлана Алексиевич создает художественно-документальную прозу, пользуясь такими литературными жанрами как литературный очерк, репортаж, документальная повесть. Книги Алексиевич исследователи и теоретики определяют, как романы-оратории, романы-свидетельства, коллективные свидетельства, эпический хор, документальные монологи, литературную журналистику, нон-фикшн, «живые голоса». Сама писательница определяет жанр, в котором работает, как «историю чувств»¹. Писательнице близка идея литературы документа, которую она черпает от Алеся Адамовича². Она материализовала ее собственное понимание возможности слова, его соотношения с реальностью³.

Как правило, книги С. Алексиевич основаны на многочасовых интервью с людьми, пережившими какое-то трагическое событие, или с их выжившими родными и близкими. Тема ее книг чаще всего касается событий последних лет советской власти, жизни людей позднего СССР и постсоветской эпохи, проникнутых чувствами сострадания и гуманизма. Следует отметить, что Алексиевич не избегает сложных тем, не боится добывать правду о нежеланных событиях, замолчанных фактах. При этом, как подчеркивает автор, критерий истинности не является для ее произведений ключевым. Она уделяет особое внимание человеческой природе, а именно истории души, а не самого факта:

Меня интересует история чувств, и я пишу историю чувств, а в ней все – и палач, и жертва – равны. Мой предмет исследования – мироощущение⁴.

Основная ценность произведений Алексиевич состоит в том, что у каждого ее собеседника своя правда, касающаяся пережитого горя, свое воспоминание о ней, сохранившееся в памяти. Отсюда следует вывод, что во всех историях содержится много фактов, но также много выдумок,

¹ «Что же такое наша память?» Светлана Алексиевич беседует с Альмирой Усмановой, «Беларусь в мире» 1998, № 3 (10), [электронный ресурс] http://gender-route.org/articles/inter/chto_zhe_takoe_nasha_pamyat/ [5.09.2018].

² Адамович Алесь (Александр Михайлович) (1927–1994) — белорусский писатель, публицист, литературовед, критик, ученый, киносценарист, публицист, общественный деятель, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук БССР. Он вошел в историю белорусской литературы как автор произведений о войне. Основной мотив творчества — осмысление античеловечности войны. Его перу принадлежат дилогия «Партизаны», повести *Хатынская повесть*, *Я из огненной деревни*, *Каратели*, *Последняя пастораль* и *Блокадная книга* (последняя написана совместно с Д. А. Граниным), [электронный ресурс] http://hrono.ru/biograf/bio_a/adamovicha.php [5.09.2018].

³ С. Алексиевич, *Моя единственная жизнь*, беседу вела Татьяна Бек, [электронный ресурс] <http://alexievich.info/artikl/TatjanaBek.pdf> [5.09.2018].

⁴ Там же, [5.09.2018].

преобразований, приукрашивания описываемой действительности. У людей прирожденная тенденция присочинять, фантазировать, даже врать, чтобы творить и сохранять любой ценой свой идеализированный автопортрет. Это приближает творчество Алексиевич к традиции устной истории, хотя сама писательница редко описывает свою прозу в контексте устной истории (ang. *Oral history*)⁵.

Отсутствие однозначной ссылки Алексиевич на традицию устной истории в русской литературе может быть вызвано желанием найти своего рода „жанровую самостоятельность”, собственную манеру писать, о чем писательница сообщает, хотя бы в своем творческом манифесте *В поисках вечного человека*, помещенном на ее сайте⁶. Она пишет в нем о поиске жанра адекватного ее миросозерцанию, мировосприятию, который привел ее к нагромождению „голосов из улицы”:

И выбрала жанр человеческих голосов... Свои книги я высматриваю и выслушиваю на улицах. За окном. В них реальные люди рассказывают о главных событиях своего времени – война, развал социалистической империи, Чернобыль, а все вместе они оставляют в слове – историю страны, общую историю. Старую и новейшую. А каждый – историю своей маленькой человеческой судьбы⁷.

Настоящая статья посвящена книге *Чернобыльская молитва. Хроника будущего*. Достоинством произведения, по нашему мнению, является факт, что каждый собеседник описывает события с индивидуальной точки зрения, учитывая важные для него в данный момент аспекты, эмоции, факты. Парадоксально, благодаря этой рассеянной перспективе у читателя возникает многоаспектный, многоплановый, совокупный образ описываемой ситуации, что помогает понять размер трагедии, мотивировку поведения, предпринятые решения и выборы.

Автор затрагивает в книге проблему восприятия атомной катастрофы в Украине в Чернобыле и ее влияния на жизнь людей, живших рядом с электростанцией, и на их близких. В ней собраны факты, добытые автором у своих собеседников во время многочасовых интервью. Сущность проблемы сводится к раскрытию истории людей, написанных со слов свидетелей и очевидцев, но также самих участников ликвидации аварии

⁵ О традиции записывать интервью как устные истории С. Алексиевич рассказывает в интервью данном Ане Лучич, *A Conversation with Svetlana Alexievich by Ana Lucic*, [электронный ресурс] <https://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-svetlana-alexievich-by-ana-lucic/> [11.04.2019].

⁶ С. Алексиевич, *В поисках вечного человека*, [электронный ресурс] <http://alexievich.info> [11.04.2019].

⁷ Там же, [11.04.2019].

Атомной Электростанции в 1986 году. Заслуга автора состоит не только в том, что ей удалось склонить своих собеседников к предельной откровенности, заглянуть в эмоциональный мир, подсознание, но также уловить разницу между женским и мужским восприятием черновыльской гибели.

Светлана Алексиевич писала и восполняла свой роман почти двадцать лет, начав писать его четыре года спустя после трагедии, поэтому она успела оставить позади описываемые события. *Черновыльская молитва. Хроника будущего* – это роман-свидетельство. По словам самого автора, «эта книга не о Чернобыле, а о мире Чернобыля. [...] Пишу и собираю повседневность чувств, мыслей, слов. Пытаюсь застичь быт души. Жизнь обычного дня обычных людей. Здесь же все необычно: и событие, и люди, когда они обживали новое пространство. Чернобыль для них – не метафора, не символ, он – их дом»⁸. В интервью автора с самой собой Алексиевич добавляет: «Чернобыль – это тайна, которую нам еще предстоит разгадать. Непрочтенный знак. Может быть, загадка на двадцать первый век. Вызов ему»⁹.

В своем произведении Алексиевич предпринимает попытку рассказать о том, о чем до сих пор мало известно, и что принято обходить молчанием. Несомненно, это один из сильнейших современных текстов, дающих представление об огромном горе и трагедии людей, находящихся в пространстве атомного взрыва. Это документ, свидетельство исторической правды, где автор дает слово людям, потерпевшим в главной техногенной катастрофе XX века, катастрофе за пределами понимания человека. Следует отметить, что белорусская журналистка предоставляет слово обыкновенному человеку, участнику трагических событий 1986 года. Она составляет свое произведение из высказываний жителей, так называемой, зоны и военнослужащих, посланных туда с целью ликвидировать последствия атомного взрыва в одном из реакторов. Все собеседники Алексиевич были вынуждены бросить свою родную землю, семьи и отправиться в указанное представителями власти место. Среди спасающих Чернобыль было тоже много добровольцев. Они рассказывают нам свои истории, и задача Алексиевич заключается в том, чтобы предоставить им возможность высказаться. *Черновыльская молитва* – это роман-исповедь. Собеседники Алексиевич доверяют писательнице тайну своей судьбы, в которой они прикоснулись к неведомому. Они не скрывают, что им приходится с трудом говорить о минувших переживаниях, не скрывают своих чувств и эмоций.

⁸ С. Алексиевич, *Интервью автора с самой собой о пропущенной истории и о том, почему Чернобыль ставит под сомнение нашу картину мира*, [в:] С. Алексиевич, *Черновыльская молитва. Хроника будущего*, Москва: Время 2016, с. 30–31.

⁹ Там же, с. 31.

Необходимо подчеркнуть, что, встречая и разговаривая с бывшими работниками станции, учеными, медиками, солдатами, переселенцами, самосёлами¹⁰, Алексиевич никого не выделяет, никому не отдает предпочтения. Для нее все голоса одинаково значимы, важны, независимо от пола, возраста, знаний, образования, общественного положения или материального статуса собеседников.

Собеседники Алексиевич – это люди, выводящиеся из разной среды, но всех их объединяет страх перед неведомым, будущим и попытка найти ответы на вопросы, которые не могли дать ни физика, ни математика. По мнению автора, их характеризует также глубокая вера в заботливую роль государства, которое позаботится о своих гражданах, а также готовность оказывать помощь даже жертвуя своей жизнью. Их объединяет безусловная преданность родине, любовь и чувство ответственности за нее. У большинства собеседников прозвучит горечь и претензии к власти, которая использовала их, для которой они, к их великому сожалению, оказались недостаточно ценными людьми.

В настоящей статье мы сосредоточим свое внимание на эмоциях советского человека, которому пришлось овладеть собой в новой действительности, новых обстоятельствах, изменить свою иерархию ценностей. После взрыва в Чернобыле началась новая экологическая история человечества. Вследствие вынужденного массового переселения и рассредоточения коренных жителей, пострадавших от радионуклидного поражения, разорвались сложившиеся веками экологические, социально-бытовые, родственные и производственные связи, разрушился весь культурный микрокосмос некогда компактной и связанной этнографической группы. Впоследствии аварии одного из реакторов прекратилась жизнь ликвидаторов, их семей, местных жителей, ученых, военных и детей, деревни вокруг зоны были выселены, а некоторые захоронены в землю вместе с хатами, колодцами, иконами. Подвели те, на которых опиралось всеобщее чувство безопасности. Люди, для которых Чернобыль являлся центром их мира, за одну ночь потеряли все существующие ценности: семейную жизнь, близких, родной дом:

¹⁰ Самосёлы зоны отчуждения – гражданское население Чернобыльской зоны отчуждения; групп людей, вернувшихся в родные места после Чернобыльской катастрофы. Термин «самосёлы» стали употреблять журналисты ещё с 80-х годов XX века. Несмотря на существующее законодательное ограничение проживания гражданского населения в зоне отчуждения, все же значительное количество эвакуированного населения вернулось в свои дома после отселения 1986 года. По разным источникам, общая численность населения, вернувшегося в зону отчуждения в 1986 году, составляет около 1200 человек (из ста тысяч эвакуированных). По состоянию на начало 2007 года их количество составляло 314 человек. Главным источником существования этих людей является приусадебное хозяйство, а также сбор грибов, ягод, рыбалка и иногда охота, [электронный ресурс] https://www.chernobyl-tour.com/samosely_chernobyl_zone.html [4.09.2018]

За одну ночь мы переместились в другое место истории. Совершили прыжок в новую реальность, и она, эта реальность, оказалась выше не только нашего знания, но и нашего воображения. Порвалась связь времен... Прошлое вдруг оказалось беспомощным, в нем не на что было опереться, в вездесущем (как мы верили) архиве человечества не нашлось ключей, чтобы открыть эту дверь¹¹.

Собеседники Алексиевич часто употребляют термин *Советский Человек*, чтобы определить себя и свое потерянное поколение. Оно появляется в значении людей, которых Родиной является Советский Союз. Эти люди лишены надежды, что родина их спасет.

Мы остались без родины, мы – ничьи. [...] На что надеяться? Чего ждать? Россия никогда не спасала своих людей, потому что большая, бесконечная. Честно говоря, я и не чувствую, что моя родина – Россия, мы воспитывались по-другому: наша родина – Советский Союз¹².

Гомо советикус¹³, с латыни человек советский – это критическое и ироническое название советского человека. Этот неологизм ввел и популяризировал советский социолог и писатель Александр Зиновьев в книге *Гомо советикус. Мой дом – моя чужбина* в 1982 году, в которой дает остросатирический образ советского человека. Автор описывает в нем гомососа как существо довольно гнусное, человека, приученного обо всем писать отчеты, ко всему подходить творчески, который радуется всякому случаю, когда какой-то нации нанесен ущерб¹⁴, который лишен искренности, он гибок и ситуационен, участвует во власти, психологически и интеллектуально пластичен, адаптивен. Самая большая потеря для гомососа – отрыв от коллектива¹⁵.

Каталог основных качеств Советского человека представлен также в книге Михаила Геллера *Машина и винтики. История формирования советского человека*. Специалист по советской политической системе историк М. Геллер определил Гомо советикус как совокупность качеств и черт

¹¹ С. Алексиевич, *Чернобыльская молитва. Хроника будущего...*, с. 32.

¹² Там же, с. 72.

¹³ Термин берёт своё начало с попыток большевиков создать «нового человека». Основатели советской системы неоднократно указывали, что для построения коммунизма требуется создание «нового человека».

¹⁴ Да потому что здоровый гомосос есть подлинный интернационалист и считает всех людей братьями. Ну, а с братьями можно и не церемониться, [в:] А. Зиновьев, *Гомо советикус. Мой дом — моя чужбина*, Москва: Производственно-издательское предприятие «КОРФ-ИНФ» 1991, с. 157.

¹⁵ Там же.

характера, свойственных в разной пропорции всем советским людям. По Геллеру, система советского типа, осуществляя «социальную дрессировку», способствует развитию, росту и господству этих качеств. По словам историка, гомосос прежде всего – это человек труда... Он относится к труду как к главному в жизни... Это человек коллектива... Это человек, беспредельно преданный социалистической многонациональной отчизне... Это человек, который за все в ответе [...] Это человек высоких идеалов [...] Это человек гармонического развития... Это человек, о котором заботится государство¹⁶.

Если сравним эту характеристику с вышеуказанными фрагментами романа С. Алексиевич, то окажется, что главные ее черты полностью совпадают с качествами, перечисленными социологом Зиновьевым в *Гомо советикус*. А. Зиновьев доказывает: гомосос приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ждет еще более худшего; одобряет действия властей; стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения; всецело поддерживает руководство; обладает стандартным идеологизированным сознанием; чувством ответственности за свою страну; готов к жертвам и готов обрекать других на жертвы¹⁷.

Для советского человека – героя событий 1986 года характерен императив жертвовать собой для Родины. Однако, хотя большинство собеседников декларирует свою преданность Родине и готовность отдать за нее жизнь, в некоторых высказываниях звучат отголоски иронии и разочарования таким подходом. Оказывается, что даже героизм лишен патетичности и пафоса:

Не пишите о чудесах советского героизма. Они были ... Чудеса! Но сначала – халатность, безалаберность, а потом чудеса. Закрывать амбразуру... Грудью на пулемет... А что в принципе не должно быть такого приказа, об этом никто не пишет. Швыряли нас туда, как песок на реактор... Как мешки с песком. Каждый день вывешивался новый «боевой листок»: «работают мужественно и самоотверженно», «выстоим и победим». Называли красиво - «солдатами огня».

Дали мне за подвиг грамоту и тысячу рублей...¹⁸.

Советский человек, герой чернобыльской трагедии руководствуется в жизни чувством долга и Родины, чем открыто гордится. Он принужден побеждать любой ценой. В большинстве случаев собеседники

¹⁶ М. Геллер, *Машина и винтики. История формирования советского человека*, Лондон 1985, с. 29.

¹⁷ А. Зиновьев, *Гомо советикус...*, с. 190, цитирую по: М. Геллер, *Машина и винтики. История формирования советского человека*, Лондон: Overseas publications interchange 1985, с. 29–30.

¹⁸ С. Алексиевич, *Чернобыльская молитва...*, с. 89.

писательницы аргументируют свою мотивировку действовать вопреки здравому смыслу именно необходимостью мужества и героизма. Однако они не в состоянии выяснить откуда берется этот безумный подход, невыразимая при помощи слов бессмысленная отвага, почему они готовы рисковать жизнью:

Нам говорили, что мы должны победить. Кого? Атом? Физику? Космос? [...] Нужно место действия, чтобы „проявить мужество и героизм”. И водрузить знамя. [...] Героическое безумие! Но я тоже такой... Ничуть не лучше. [...] Первое – чувство долга, второе – чувство родины. Скажете: советское язычество? Но дело в том, что дали бы мне тогда в руки знамя, я тоже бы туда полез. Почему? Не отвечу¹⁹.

Чернобыльская катастрофа проявила характер советского человека во всей сложности: с одной стороны, страсть и сочувствие к чужому горю, с другой невежество и даже презрение, равнодушие к чужой и своей жизни. Слушая высказывания участников описываемых событий, создавалось впечатление, что они не в состоянии позаботиться о главных ценностях: жизни своей и близких. К тому же думается, что они часто включены в состав больших групп, в которых стиралась их индивидуальность, поэтому они чувствовали себя более комфортно, принадлежа к коллективу:

Ну не способен наш человек думать только о себе, о собственной жизни, быть замкнутой такой системой. Политики наши не способны думать о ценности жизни, но и сам человек тоже. Понимаете? Не так мы устроены. Из другого теста²⁰.

Но это тоже вид варварства – отсутствие страха за себя. Мы всегда говорим «мы», а не «я»: «мы продемонстрируем советский героизм», «мы покажем советский характер». Всему миру! Но это – я! Я не хочу умирать... Я боюсь...²¹.

Александр Зиновьев в своей книге *Гомо советикус* уделяет особое внимание вопросу коллектива в контексте советского человека. Автор утверждает, что отрыв от коллектива является самой большой потерей для гомососа, объясняя это тем, что вовлеченность в жизнь коллектива почти во всех важных и пустяковых аспектах бытия – вот основа нашей психологии. Душа гомососа лежит в его приобщенности к коллективной жизни²².

¹⁹ Там же, с. 110–111.

²⁰ С. Алексиевич, *Чернобыльская молитва...*, с. 240–241.

²¹ Там же, с. 273.

²² А. Зиновьев, *Гомо советикус. Мой дом – моя чужбина*, Москва: Производственно-издательское предприятие «КОР-ИНФ» 1991, с. 202.

Автор замечает, что идеология унифицирует индивидуальное сознание и соединяет миллионы маленьких «я» в одно огромное «мы»²³.

Понятие советской идентичности и ее конкретное проявление, советский человек – уже долгое время в центре внимания исследователей и политиков, актуализирующих и анализирующих проблему поиска национальной идеи современной России. Эту проблему раскрывает Егор Андреевич Федосов в научной статье *Советский человек: пропаганда или реальность?* Автор утверждает, что с течением времени в идеологии и пропаганде СССР делался акцент на различные компоненты идентичности его граждан. По словам автора статьи, ситуация менялась на протяжении лет. После революции основополагающими были провозглашены классовые, интернациональные категории, призванные создать новый тип людей, стоящий над этническими и государственными границами. В годы индустриализации, а особенно Великой Отечественной войны закономерно усилились патриотические тенденции в формировании советского самосознания, уже неразрывно связанного с принадлежностью к Родине и ее историческому прошлому. Наконец, с началом холодной войны интернациональная роль СССР рассматривалась не только с точки зрения классовых, но и общечеловеческих, гуманистических принципов, таких, как борьба за мир, разоружение, деколонизация и т. п. Внутри самого государства интернационализм советских людей осмысливался и через идею этнической гармонии, связанной с образами единства населения союзных республик и других народов, населявших страну. Все это обеспечивало многоуровневый синтетический характер советской идентичности, которую можно назвать также идеологической (коммунистической)²⁴.

Федосов доказывает, что на теоретическом уровне советские исследователи выявляли следующие «нормы социалистической жизни» (по сути, критерии идеальной советской идентичности): коллективизм, высокое достоинство труда, интернационализм, сознательность через высокий уровень осмысленности жизни. Все они подлежали культивированию в обществе²⁵.

Читая свидетельства участников атомной катастрофы, мы старались понять глубинные мотивы тех, кто знал, на что идет, и тем не менее сделал это. Артур Соломонов обращает внимание на религиозно-коммунистическое стремление служить чему-то большему, чем жизнь человека, которое было эффективно использовано высоким начальством. И люди оказались

²³ Там же, с. 202.

²⁴ Е. А. Федосов, *Советский человек: пропаганда или реальность?*, «Русин» 2014, № 4 (38), [электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-chelovek-propaganda-ili-realnost> [11.04.2019].

²⁵ Там же.

героями и жертвами одновременно. Возможно, была вера, что, бросая в пожар Чернобыля всю свою маленькую жизнь, участники тех событий дали ей шанс укрепиться в вечности или в истории. Наряду с беспрекословным принесением себя в жертву здесь было и отчаянное проявление свободы²⁶.

Автор *Чернобыльской молитвы* подчеркивает, что героизм и мужество участников чернобыльской трагедии со временем подверглись переоценке. В качестве иллюстрации используем цитату:

Я – человек, у которого отсутствует инстинкт самосохранения. Это нормально, потому что сильно развито чувство долга. Таких тогда было много, не я один... У меня на столе лежали десятки заявлений с просьбой: «Прошу направить в Чернобыль». По зову сердца! Люди готовы были пожертвовать собой, не задумываясь и не требуя ничего взамен. Что бы вы ни писали, как бы лихо ни отрекались... Вам еще жалко будет этого человека... Вспомните о нем...²⁷.

У некоторых собеседников, особенно у военнослужащих, у которых непоколебимый, незыблемый моральный кодекс, возникает чувство скорби и несправедливости. Они осознают, что их использовала система, с которой они не отождествляют себя. Кстати, сравнение чернобыльской катастрофы с военными действиями, войной вообще в книге Алексиевич появляется регулярно, она намеренно создает параллель: Чернобыль – война. Военная лексика в контексте, произошедшей в апреле 1986 года, трагедии употребляется автором во всей книге:

Ты был солдатом на войне, ты был нужен. Плохое забылось, а это осталось. Осталось то, что без тебя не могли обойтись... Тебя востребовали... Наша система, военная, в общем-то, она отлично срабатывает в чрезвычайных обстоятельствах. Ты наконец там свободен и необходим. Свобода! И русский человек в такие моменты показывает, как он велик! Уникален! Голландцами или немцами никогда не станем. И не будет у нас долговечного асфальта и ухоженных газонов. А герои всегда найдутся!..²⁸

Елена Кудрявцева в интервью Ольги Седаковой описывает феномен «советского человека» при помощи негативного образа: отмечая не то, что в нем есть, а то, чего в нем нет и быть не должно. Первым среди этих недостатков она называет отсутствие уважения к себе. На этом месте она видит или забитость («кто я такой, чтобы...»), или полную бесцеремонность. Кудрявцева

²⁶ А. Соломонов, *Светлана Алексиевич: Чернобыльская молитва*, [электронный ресурс] <https://artursolomonov.ru/svetlana-aleksievich-chernobyilskaya-molitva/> [23.07.2018].

²⁷ С. Алексиевич, *Чернобыльская молитва...*, с. 252.

²⁸ Там же, с. 90.

формулирует гипотезу, что у советского человека нет всего того, что связывает человека со всем прекрасным, странным, живым, тонким, сложным, что создано родом человеческим. Трудность и медленность изменения этого человеческого типа состоит в том, что требуется не только – и, может быть, не столько – избавиться от каких-то свойств, сколько приобрести недостающие. Например, навык внимания или уважение к мысли. По словам Кудрявцевой, «советский человек свою душу сдал в какую-то инстанцию, делегировал»²⁹.

В заключение следует заметить, что книги Алексиевич пользуются огромной популярностью в наше тревожное время, с одной стороны, из-за своей близости к реальному и достоверному, с другой стороны, потому что они представляют обширный пример психологизма в документальной прозе. Предельная откровенность реально существующих людей привлекает читателя, вызывая его полное доверие. Читатель полностью сосредотачивается на высказываниях участников трагических событий, так как роль автора в этом „прозрачном” повествовании сводится до минимум. Здесь нет никаких авторитарных высказываний, морализаторства, навязывания своего мнения или нахального нравоучения. Образ советского человека, который представлен в *Чернобыльской молитве* Светланы Алексиевич, вызывает угнетающее, довольно грустное впечатление. Ее „совок” с одной стороны готов жертвовать своей жизнью во имя спасения Родины, ложного героизма, с другой – это человек, разочарованный властью, который не в состоянии позаботиться о своих потребностях, так как все заботы о нем взяло на себя государство. Это герой, лишенный инстинкта самосохранения, воспитанный на императиве преданности Родине, находящейся под угрозой. Он плохо функционирует вне коллектива, который предоставляет ему чувство психологического комфорта, хотя выделить в нем очередные личности почти невозможно. Его справедливо сравнивают с героями Второй мировой войны, Сталинградской битвы, хотя он спасал нечто большее, чем родное отечество, он спасал саму жизнь, свою и других, планету.

References

Aleksievich, Svetlana. *Chernobylskaya molitva. Khronika budushchego*. Moskva: Vremia, 2016.

Aleksievich, Svetlana. *Moya yedinstvennaya zhizn*. Besiedu vela Tatyana Bek. <http://alexievich.info/artikl/Tatjana Bek.pdf>

Aleksievich, Svetlana. *V poiskah vechnogo cheloveka*. <http://alexievich.info>

²⁹ О. Седакова, *О феномене советского человека. Интервью Елене Кудрявцевой*, Январь 2011, «Огонёк», № 2, [электронный ресурс] <http://www.olgasedakova.com/interview/903> [4.09.2018].

- Desiukevich, Olga. "Konceptualnaya publicistika Svetlany Aleksievich. Kristalizatsiya zhanra". *Medyalingvistika*, No. 2 (2017) <https://medialing.ru/konceptualnaya-publicistika-svetlany-aleksievich-kristalizatsiya-zhanra/>
- Fedosov, Yegor. "Sovetskii chelovek: propaganda ili realnost". *Rusin*, No. 4 (38) (2014). <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-chelovek-propaganda-ili-realnost>
- Geller, Mikhail. *Mashina i vintiki. Istoria formirovaniya sovetskogo cheloveka*. London: Overseas publications interchange, 1985.
- Lipnevich, Valerii. "Proshchanie c vechnostyu, Svetlana Aleksievich. Chernobylskaya molitva". *Druzhba narodov*, no. 1 (1997). http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/6/re_obz01.html
- Ronen, Omri. "Sovok". *Zvezda*, no. 11 (2007). <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/11/ro14.html>
- Ruslanovna, Yevgenia. *Futuralnaya semantika v svete voploshcheniya osnovnoi idei „Chernobylskoi molitvy” Svetlany Aleksievich*. <https://sibac.info/conf/philolog/lxv/61913>
- Sajjn, Sonu. „Chernobylskaya molitva. Khronika budushchego Svetlany Aleksievich. Problema zhanra". *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologia i iskusstvovedeniye*, No. 2 (2013).
- Sedakova, Olga. "O fenomene sovetskogo cheloveka. Intervyu Yelene Kudryavtsevoi". *Ogoniok* No. 2 (2011). <http://www.olgasedakova.com/interview/903>
- Suchanek Lucjan. *Homo sovieticus światlana przyszłość gnijący zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1999.
- Tischner, Józef. *Etyka solidarności oraz Homo sovietikus*. Kraków: Żnak, 1992.
- Zinovev, Aleksandr. *Homo soveticus. Moj dom – moja chuzhbina*. Moskva: Proizvodstvenno-izdatelskoje predpriyatije «KORF-INF», 1991.